

© 2010 г.

Юрий Шамрай

кандидат экономических наук, доцент

зам. зав. кафедрой мировой экономики РГГУ

(e-mail: shamyur@yandex.ru)

КОНКУРЕНЦИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

В статье предлагаются новые подходы к формированию социального базиса национальной экономики как фактора обеспечения её конкурентоспособности. Автор выделяет переход к новой социальной политике, базирующейся на демократизации экономического базиса общества, а не просто на корректировке социальных элементов надстроечного характера (инфляционные поправки к зарплате, корректировки на изменение валютного курса рубля и т.д.); развитие конкурентных отношений в социальной сфере как фактор повышения творческой активности и мобилизации творческих способностей занятых в сфере производства.

Ключевые слова: социальный базис конкурентоспособности, демократизация социального базиса национальной экономики, новая социальная политика, социальная конкуренция, народные предприятия, сетевая экономика.

Новая социальная политика как важный фактор повышения конкурентоспособности российской экономики. Осуществляемый в настоящее время переход на постиндустриальную стадию развития экономики и интеллектуально-технологический способ производства предполагает формирование нового социального базиса национальной экономики. Под социальным базисом мы понимаем совокупность социальных качеств людей и характерных черт социальных отношений, порождаемых достигнутой степенью социально-экономического развития общества и определяющих направления его дальнейшей эволюции.

Сегодня социальный базис российской экономики должен быть таким, чтобы обеспечивать мобилизацию интеллектуально-технологических источников развития национальной экономики, развертывание инновационных процессов в производстве и формирование в конечном счете инновационной модели экономики.

Констатация серьезных негативных процессов в социальном базисе российской экономики, проявившихся еще в социалистический период и резко усилившихся в 90-е годы XX и нулевые годы XXI века, стала «общим местом» в научных публикациях, и здесь нет необходимости ее повторять. Очевидно и то, что принимаемые властью меры недостаточны и не дают значительных результатов. Ситуация в социальной сфере зачастую возвращается на прежний негативный уровень.

Для принципиального оздоровления обстановки в социальной сфере требуется проведение новой социальной политики на основе коренного изменения экономического базиса общества, его разворота от олигархической модели хозяйствования к модели социального партнерства. Нужно преодолеть традиционный подход к социальной политике, практически полностью сконцентрированной все еще на задачах стабилизации или повышения заработной платы и обеспечения более или менее полной занятости. Между тем и то, и другое производны от экономической модели общества и производственной структуры экономики. Социальная политика должна быть направлена не просто на защиту от снижения жизненного уровня, а создавать предпосылки для его повышения, т.е. должна носить не пассивный защитный, а активный опережающий и стимулирующий характер. Для этого её необходимо увязать с изменением экономических отношений в обществе. Это тем более необходимо в связи с тем, что одной лишь социальной поддержкой невозможно предотвратить снижение жизненного уровня применительно ко всем слоям населения. Просто не хватит средств для такой защиты. Повышательная тенденция жизненного уровня должна обеспечиваться главным образом совершенствованием самой экономики, освоением её инновационной воспроизводственной модели. А социальная политика защитного характера по существу может носить лишь вспомогательный, корректирующий характер.

Российская социальная политика по существу оставляет вне поля зрения такой противоречивый процесс, как появление наиболее богатой и процветающей группы населения, не просто отличающегося по уровню доходов, а по сути противостоящего по способам получения дохода и его использования по своему образу жизни основной его массе. Доходы этой группы носят главным образом рентный характер, базируются на являющихся общенародным состоянием природных и интеллектуальных ресурсах национальной экономики и не в последнюю очередь формируются коррупционным механизмом. Рациональная социальная политика должна, на наш взгляд, практиковать к этим доходам и собственности «новых русских» особый подход – ввести прогрессивную шкалу налогообложения, особый «налог на богатство» и наследство, изъятие в той или иной форме незаконно приобретенной собственности и т.д.

В то же время социально-экономическая политика должна быть ориентирована на поддержку нового «среднего класса», формирующегося не по правилам социалистической номенклатуры, а в условиях рыночной экономики. В качестве такого класса обоснованно рассматривать социальный слой профессионалов – высококвалифицированных рабочих, хозяйственных менеджеров, учёных, специалистов сферы образования и здравоохранения и т.д.

Главным критерием отнесения людей к «среднему классу» является не величина дохода или собственности, а выполняемые функции в процессе воспроизводства. Именно класс профессионалов может выступить в качестве движущей силы инновационных процессов в экономике и обществе, быть носителем новых идей и начинаний, стать определяющей частью общества, как в структурном, так и в функциональном плане.

Новая социальная политика, ориентирующаяся на первичные, базисные факторы, которые определяют формирование экономического и социального базиса общества, призвана обеспечить принципиальное оздоровление обстановки в социальной сфере. В основе такой политики должны лежать три компонента:

- демократизация экономической модели общества, трансформация экономического базиса в направлении социального партнерства труда и бизнеса;

- расширение доступа к хозяйственной, прежде всего предпринимательской деятельности для различных слоев общества путем снижения монополизации экономики, развития конкуренции, расширения сектора малого предпринимательства, использования эффективных форм хозяйствования;

- использование мировых тенденций и стандартов социальной сферы в качестве ориентиров для новых социальных подходов, что обусловлено всё большим проявлением глобализации этих социальных стандартов и растущей потребностью российского общества в их освоении.

Охарактеризуем эти направления несколько подробнее.

1. Эффективную роль в обеспечении демократизации хозяйственной структуры российской экономики и формирования «социального партнерства» может сыграть развитие такого типа хозяйственных отношений и сектора национального хозяйства, как «сетевая экономика».

Под «сетевой экономикой» мы понимаем в данном случае не «виртуальную экономику», развивающуюся по мере развертывания телекоммуникационных и интернетовских связей, и не международные производственные сети, создаваемые ТНК.

Сетевая экономика выступает конкурирующим по отношению к олигархической экономике типом хозяйственной деятельности. Олигархическая экономика базируется на крупных корпорационных структурах, у которых отношения между субъектами хозяйственной деятельности определяются принципами технологического детерминизма и выстраивают-

ся по вертикали. Для вертикали характерна жесткая зависимость нижних звеньев хозяйственной сферы от верхних её звеньев, поскольку контрактация, субконтрактация и другие виды договорных отношений в рамках крупной корпорационной структуры и её отношений с другими структурами определяются технологией воспроизводственного процесса, что ограничивает хозяйственную свободу взаимодействующих в рамках этой структуры субъектов хозяйственной деятельности; ставит их в зависимость от головной компании, управляющей всем производственным процессом и распределяющей его по отдельным «нишам».

Сетевая же экономика представляет новый тип экономических отношений, развивающихся «по горизонтали». В основе этих отношений лежат не технологические и технократические организационные принципы, а экономические интересы соответствующих субъектов экономики, что ставит всех участников сетевой экономики в равноправное демократичное положение, дает им возможность устанавливать и разрывать складывающиеся связи в зависимости от своих хозяйственных интересов. Развитие сетевой экономики возможно в различных отраслях и особенно в отраслях инновационного типа, связанных с творческими идеями. Развитие сетевой экономики в современных условиях, для которых характерно развертывание информационного общества, представляет реальную альтернативу крупному корпорационному строю.

Обратим внимание и на возможности демократизации хозяйственной модели путем формирования сектора достаточно крупных так называемых «народных предприятий». Акциями или паями таких предприятий владеют их работники, которые тем самым участвуют в управлении деятельностью предприятия, в распределении его прибыли, влияют на стратегию развития предприятия, защищают свои интересы и получают дивиденды. У работников таких предприятий может появиться «чувство хозяина» и, следовательно, ощущение равного статуса с предпринимателями, практикующими другие организационные формы производственной деятельности. Вместе с тем проблема не так проста. В какой мере статус таких предприятий обеспечивает необходимую для «хозяина» чувство ответственности за судьбу предприятия, готовность работников поступиться текущей доходностью ради будущего развития, в какой мере компетентно суждение работников предприятия при принятии решений. Действительно ли статус «народного предприятия» стимулирует творческую активность и творческие способности коллектива предприятия и инновационные процессы в его производственной деятельности? Несмотря на эти проблемы, мы считаем, что сдвиг в направлении «народного

рыночного хозяйства» должен стать одним из ведущих направлений отхода от олигархически-монополистической модели хозяйствования, которая доминирует в настоящее время в России и тормозит развитие рыночных отношений и конкурентной обстановки в российской экономике.

2. Развитие малого предпринимательства позволит решить ряд актуальных задач: сглаживание социального неравенства в обществе, расширение узости производственной базы российской экономики, развитие конкуренции акторов этой политической жизни в целях стимулирования предпринимательской активности и повышения эффективности использования ресурсов.

Малые и средние предприятия представляют собой наиболее гибкую и эффективную структуру, дающую возможность быстро реагировать на современные тенденции в мировом производстве и, в частности, обеспечивать всё более широко развертывающуюся в мировой экономике тенденцию индивидуализации спроса и предложения. Без быстрой реакции на эту тенденцию невозможно обеспечить конкурентоспособность российских производственных структур и тем самым создать конкурентоспособную структуру экономики. В социальном отношении малое предпринимательство действует в направлении выравнивания статуса членов общества, что дает возможность оздоровить социальную обстановку.

При использовании показателей развития малого предпринимательства (удельный вес в ВВП, в общей численности занятых и в общем количестве предприятий) нужно учитывать влияние некоторых специфических черт российской экономики:

- преимущественно сырьевой характер экономики. Высокий удельный вес топливно-энергетических и сырьевых отраслей в экономике ограничивает возможности развития малого предпринимательства, поскольку в топливно-сырьевых отраслях для организации нового производства требуются большие первоначальные размеры капитала, которые в принципе не под силу малому предпринимательству, и потому развитие малых предприятий в этих отраслях изначально проблематично или же возможно только в сфере обслуживания этих отраслей, а также в качестве зачинателей инновационного развития;

- в сельском хозяйстве России развитие малого предпринимательства (фермерства) ограничивается низкими возможностями формирования первоначального капитала, слабостью государственной поддержки, правовой незащищенностью, а также недостаточным плодородием российских земель и суровыми климатическими условиями во многих регионах страны.

Однако в целом условия развития малого предпринимательства в России менее благоприятны, чем в западных странах, прежде всего из-за давления монополистов, недостаточности стимулирующих мер государства, негативной правовой и морально-политической атмосферы. В последние годы политические декларации власти и конкретные экономические решения призваны благоприятствовать развитию малого и среднего бизнеса, но результаты пока невелики. Выстраивать политику по развитию малого предпринимательства следует, ориентируя его на инновации во всех отраслях. Возможности развития малого предпринимательства будут возрастать по мере диверсификации экономики.

Демократизация экономического базиса российской экономики в отмеченных выше направлениях позволит отойти от ее олигархически-монополистической структуры и обеспечить продвижение к социальному партнерству.

3. Принципиальные преобразования в российской социальной сфере предполагают использование ориентиров и параметров социальной сферы развитых стран.

При сравнении показателей социальной сферы этих стран с российскими, выявляется такое отставание России, которое не позволяет говорить о том, что у нас эта сфера выполняет в достаточной мере функции, необходимые для нормальной жизни современного общества. Нет необходимости приводить здесь широко известные данные об относительно низком жизненном уровне населения и незащищенности социально уязвимых слоев населения. Использование передовых мировых критериев в качестве ориентиров российской социальной политики позволит в большей мере сознательно ориентировать ее на повышение жизненного уровня населения. Приближение к передовым мировым стандартам в социальной сфере будет способствовать укреплению конкурентного потенциала национальной экономики, поскольку создаст равные с западными моделями хозяйствования условия для развития «человеческого фактора» и заложенных в нем творческих ресурсов, для перехода к постиндустриальной стадии развития на основе интеллектуально-технологического способа производства.

В современной экономике возрастает интенсивность международной трудовой миграции. России предстоит более организованно использовать миграционный фактор для обеспечения экономики трудовыми ресурсами и для укрепления своих конкурентных позиций в мировой экономике. Нужно решать проблемы всё большего открытия российского рынка труда, учитывать важность притока трудовых мигрантов и приближения норм и стандартов их регулирования к мировой цивилизованной практи-

ке. Кстати, это неизбежно связано с необходимостью лучшего регулирования использования внутренних трудовых ресурсов. Нужно усиливать ориентацию на повышение удельного веса квалифицированной рабочей силы и работников умственного труда как в притоке мигрантов, так и в национальном трудовом потенциале.

Необходимо преодоление тенденции «утечки умов». Отток высококвалифицированных кадров из России не компенсируется их притоком. В развитых странах ситуация иная. Такое положение требует разработки новой стратегии России в области интеллектуальной миграции, введения в оборот таких индикаторов, как миграционный потенциал экономики России и миграционная привлекательность России.

По имеющимся оценкам,¹ в настоящее время количество работающих за границей российских ученых достигает более 30 тыс. чел., и из них 14-18 тыс. чел. в фундаментальных науках. По данным Национального научного фонда США, только в Америке работают 20 тыс. российских ученых. На естественные науки в настоящее время приходится 77 % выехавших. При этом специфика российских научных миграционных потоков, в отличие, например, от Китая, Индии, Кореи, из специалистов которых формируется значительная часть научных кадров США, состоит в том, что «обратный поток» российских специалистов незначителен. Как свидетельствует практика, возвращается не более чем 10-15 % уехавших.

В результате складывается ситуация, когда российская наука объективно разделяется на две части: русская научная диаспора за рубежом и российские ученые, работающие в РФ. Как быть России в таких условиях? Как компенсировать те затраты, которые были вложены в подготовку уехавших и невозвращающихся специалистов. В принципе, решение возможно: использование интеллектуального потенциала русской науки путем объединения двух отмеченных выше частей. Это отмечают специалисты, выдвигающие предложение о строительстве «интеллектуального моста Россия – Запад»², создании механизма научного и делового взаимодействия российской научной диаспоры за рубежом и российских ученых, работающих в России. В качестве форм научного сотрудничества, которые могут использоваться, можно назвать создание совместных творческих коллективов, в частности, совместных международных иссле-

¹ Стратегические ориентиры внешнеэкономических связей России в условиях глобализации: сценарий до 2025 года. М.: Наука, 2005, С. 58.

² Вестник Российской академии наук.- М., 2004, № 3, С. 225.

довательских и учебных институтов, развертывание мобильных партнерских лабораторий, проведение совместных конференций и симпозиумов, выполнение совместных научных проектов. Потенциал такого взаимодействия довольно значителен, поскольку, по некоторым данным, доходы русской научной диаспоры за рубежом равны объему российского ВВП.

Развитие конкурентных отношений в социальной сфере. Развитие человеческого фактора, его трудовая инициатива и активность, а также творческая отдача во многом зависят от складывающейся в экономике социальной обстановки, формирующегося социального базиса. При негативно складывающейся социальной обстановке постановка вопроса о творческой инициативе и творческом вкладе человека в развитие производства естественно будет малопродуктивна. И, наоборот, в условиях, стимулирующих развитие и активность человеческого фактора, складывается социальная среда, которая оказывает благоприятное воздействие на реализацию творческих способностей и опыта человека. В этом плане социальную обстановку можно рассматривать как важнейшую составную часть совокупности факторов, определяющих конкурентные позиции страны в мире, более того, формирующих условия воспроизводства человека, его трудового потенциала вообще.

Какая социальная обстановка является наиболее благоприятной для поддержания конкурентоспособности национальной экономики?

При поиске ответа на этот вопрос в первом приближении может показаться, что определяющее значение имеют показатели жизненного уровня (ВВП на душу населения, обеспеченность жильем, процент безработных в общей численности населения и т.д.). При таком подходе возможен вывод, согласно которому, чем больше обеспечено общество в социальном отношении, чем больше перечисленных социальных благ (доходов, жилья, культурных и спортивных сооружений и пр.) приходится на одного человека, тем выше социальный ресурс конкурентоспособности и прочнее конкурентные позиции страны на внутреннем рынке и в мировой экономике.

Однако такой вывод был бы не совсем корректным. Конечно, высокий уровень социальных благ на душу населения свидетельствует об эффективности экономической системы и о том, что эта система создает возможность для того, чтобы достойно жить, хотя есть и много негативных явлений, и эта возможность не реализуется гарантированно для каждого отдельного человека. Важно и другое: сама по себе реально достигнутая вы-

сокая обеспеченность социальными благами (высокий уровень потребления, высокая социальная защищенность) не создает конкуренции и не развивает ее энергию, а, наоборот, тормозит конкурентные отношения.

Энергия конкуренции зависит не только и не столько от абсолютных показателей по каждому из социальных благ, сколько от различий в распределении этих благ между отдельными социальными группами и индивидуумами. Причем именно от распределения социальных ресурсов и расслоения населения страны по социальным критериям зависит острота конкуренции на рынке трудовых ресурсов, определяющая отношение к труду и трудовую активность, а в глобальном плане – трудовой настрой и трудовую идеологию общества, которая как раз и детерминирует предприимчивость, творческую отдачу и инновационную мотивацию.

Без, например, дифференциации населения по доходам отсутствует база социальной конкуренции, прежде всего, конкуренции на рынке труда, то есть стремление к переходу на основе трудовой активности из социального слоя с низкими доходами в другой, более обеспеченный доходный слой населения. В результате, социальные отношения в экономике не порождают никакой конкурентной энергии и не приносят эту энергию в экономику. При таком положении отсутствуют условия для развертывания трудовой и прочей инициативы, важной для обеспечения конкурентоспособности национальной экономики в целом. В итоге понижаются конкурентные преимущества национальной экономики.

Аналогично обстоит дело с оценкой роли безработицы. Конечно, безработица означает недоиспользование трудового потенциала экономики. Однако в то же время она является резервом рынка труда и оказывает давление на уровень зарплаты и производительности труда, влияет на отношение к труду занятой рабочей силы.

Следовательно, с точки зрения конкуренции в экономике должна существовать и поддерживаться определенная дифференциация распределения различных социальных благ между отдельными социальными группами и индивидуумами. Дифференциация стимулирует трудовую активность человека, поскольку последняя является главным средством изменения его социального статуса и материального положения. В то же время отмеченная закономерность действует в определенных пределах. Плодотворной для конкурентоспособности может быть не любая дифференциация социальных благ. Скажем, ошибочным будет предположение, согласно которому чрезмерное увеличение разрыва в доходах, обеспе-

ченности жильем, работой и т.д., между различными социальными группами, то есть максимальное подоходное и прочее социальное неравенство, увеличивает конкурентоспособность экономики.

Но и противоположная ситуация неприемлема. Полное социальное равенство (практически неосуществимое) порождает социальную пассивность, незаинтересованность в увеличении трудового вклада. Формируется ситуация социального застоя. Общество начинает деградировать, что уже имело место в СССР при социализме.

Отсюда следует, что при проведении социальной политики целесообразно искать оптимальное сочетание равенства и неравенства, оптимальной дифференциации социальных благ. Определить оптимум, который располагается где-то между максимальным социальным неравенством и полным социальным равенством, очень трудно, т.к. требуется не допускать социальной напряженности и социальной нестабильности, но в то же время сохранять стимулы к социальной конкуренции.

Как найти такой оптимум? Уместен ли наблюдаемый в России в последние годы примерно 15-17-кратный разрыв в доходах между наиболее и наименее обеспеченной доходами децильными группами населения?

В глобальном плане ответ на эти вопросы требует в первую очередь сопоставления имущественной дифференциации в России с дифференциацией в других странах. Такое сопоставление проводится некоторыми институтами с использованием коэффициентов фондов и индексов Джинни, определяемых по результатам социологических опросов населения.

По мере развития в России рыночных отношений и их перехода в капиталистические отношения (период 1985–1995 гг.) происходит резкий скачок в расслоении населения по доходам. Аналогичное положение складывается и по другим социальным благам. Опыт России свидетельствует, что чем больший простор получают капиталистические отношения и чем более жесткие формы они принимают, тем выше доходная и прочая дифференциация граждан. Указанную закономерность, характерную для развертывания рыночных отношений, вскрыл еще В.И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России», исследуя процессы расслоения и социальной дифференциации российского крестьянства.

Отчетливо прослеживается данная закономерность и в современной России.

Если в 1985–1990 гг. (начальный период входа России в рыночную экономику) доля самой обеспеченной 20-процентной группы в совокупности доходов населения (34,0% и 32,7%) превышала долю (10,0 и 9,8%) самой низко обеспеченной группы примерно в 3,5 раза, то в 1995 г. (за-

вершение периода первоначального накопления капитала в современной России) это превышение составило 8,5 раза, а в 2004 – 8,6 раза. Если предположить, что наиболее активно работающая часть населения сосредоточена в средней группе, для которой коэффициент Джинни периода 1995–2004 гг. формировался на уровне 15%, то разница доходов, приходящихся на эту группу, и доходов, приходящихся на наиболее обеспеченную группу (46-46,7%), составила более трех раз. О чем говорит этот разрыв? В чем его причина? Отмеченный разрыв свидетельствует о том, что доходы на человеческий капитал, поскольку именно главным образом этим капиталом (рабочая сила, ее физические и интеллектуальные способности) обладает сосредоточенное в группах 1–3 население, в несколько раз ниже, чем доходы на основной и оборотный капитал, оказавшийся в собственности индивидуумов, входящих в состав наиболее обеспеченной социальной группы, которая именно по этой причине (обладание основным и оборотным капиталом) является наиболее богатой и обеспеченной.

Лишенная в результате проведенной антисоциальными методами в течение 90-х гг. приватизации средств производства и не обладающая капиталом (зданиями, сооружениями, машинами, оборудованием и другими элементами основного капитала) большая часть российского населения оказалась в социальных группах с наименьшими доходами.

Что дает сопоставление выявленных разрывов с соответствующими показателями в других странах для выработки ориентиров при формировании социальной политики, способствующей повышению конкурентоспособности национальной экономики? Лидирующие позиции по рейтингу конкурентоспособности занимают Финляндия, Швеция, Япония, Германия и некоторые другие развитые страны Европы. Эти страны устойчиво попеременно входят в первую десятку наиболее конкурентоспособных стран мира. По концентрации доходов у самой богатой части населения (в нашем случае 20-процентная социальная группа) эти страны имеют следующие показатели: Финляндия – 26,9%, Швеция – 25%, Германия – 28,3%. У России этот показатель равен 38%, т.е. превышает показатели стран – лидеров по конкурентоспособности в 1,3-1,5 раза. Это означает, что экономическая система России работает в пользу обеспеченных групп населения в большей мере, чем в перечисленных странах. Такое положение не создает благоприятной для конкурентоспособности национальной экономики ситуации в сфере трудовых отношений; снижает трудовую активность большей части населения в связи с большим разрывом в уров-

не жизни и бесперспективности его уменьшения в условиях действующего социального механизма. При отсутствии перспектив социального прогресса, улучшения жизни трудно внедрить в совокупную человеческую массу мотивации к трудовой активности, а тем более творческой инициативе. Более того, начинается социальная деградация общества и его трудоспособной части. Неслучайно поэтому в развитых странах, прежде всего в Японии и США, в целях мобилизации ресурсов человеческого фактора начинают развивать новые подходы к оплате труда (плата за знание, участие в прибылях, премии за качество работы и пр.). Все эти действия направлены на поддержание конструктивных с точки зрения экономического роста и конкурентоспособности пропорций в распределении доходов от производственной и иной деятельности между различными социальными группами.

Примечательно, что превышение показателя по индексу Джинни наблюдается и при сравнении России с другими развитыми странами Европы: индекс Джинни по Австрии составляет 31%, Голландии – 30,9%, Франции – 32,7%, Швейцарии – 33,1%, Великобритании – 36,8%.

Отсюда следует, что России в целях обеспечения конкурентоспособности необходима корректировка скорости распределения в направлении уменьшения концентрации доходов у самой обеспеченной группы населения.

Следует отметить, что речь идет не о выравнивании социальных условий для отдельных социальных групп, а о их балансировании вокруг ориентира – доля в 25-30% для наиболее обеспеченной социальной группы.

При разработке эффективной конкурентной стратегии в области социальных отношений в экономике необходимо также учитывать тенденции трансформации труда и занятости в современной экономике, поскольку социальные услуги должны быть направлены прежде всего на поддержание и стимулирование этих тенденций. Одной из таких тенденций является интеллектуализация труда, выдвигание на первый план его творческого начала, становящегося первоисточником роста производительности и экономического развития, значимости профессионализма, специалистов, генерирующих новые идеи.
